

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
И ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА***

Е. С. Селиванова

Южный федеральный университет

О. В. Дмитриева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

**TRANSFORMATION OF PROPERTY RELATIONS
AND TORT LIABILITY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION
OF SOCIETY AND APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

E. S. Selivanova

Southern Federal University

O. V. Dmitrieva

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Аннотация: делается вывод, что развитие цифровых технологий создает новые объекты, имеющие весьма специфические признаки имущества, а также о наличии оснований для возникновения субъективных цифровых прав на цифровые объекты и необходимости разграничивать понятия «цифровое право» и «цифровая форма имущественного права». Предлагается выделить самостоятельный тип имущественных отношений – цифровые имущественные отношения. Исследуется вопрос о влиянии цифровых технологий (искусственного интеллекта) на гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, вытекающих из деликта (деликтной ответственности). Ставится вопрос не только о возможности признания вещей с включенным в них искусственным интеллектом источником повышенной опасности, но и о признании таким источником самой технологии искусственного интеллекта. Предлагается классификация систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровые имущественные отношения, цифровое право, цифровая форма имущественного права, деликтная ответственность, искусственный интеллект.

Abstract: concluded that the development of digital technologies creates new objects that have very specific features of property, as well as the existence of grounds for the emergence of subjective digital rights to digital objects and, the need to distinguish the concepts of "digital right" and "digital form of property right". It is proposed to distinguish an independent type of property relations – digital property. The question of the influence of digital technologies (artificial intelligence) on the civil law regulation of property relations arising from the tort (tort liability) is explored. The question is raised not only about the possibility of recognizing things with artificial intelligence included in them as a source of increased danger, but also about recognizing artificial intelligence technology itself as such a source. A classification of artificial intelligence systems is proposed.

Key words: digital property relations, digital law, digital form of property law, tort liability, artificial intelligence.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

© Селиванова Е. С., Дмитриева О. В., 2024

Новый этап развития общества характеризуется бурным развитием цифровых технологий, оказывающим влияние на все стороны человеческой жизни. Представляется, что влияние цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) на имущественные отношения в целом является позитивным, поскольку позволяет упростить и ускорить совершение множества сделок, легко зафиксировать права на недвижимость, получить нужную информацию для принятия решений о совершении юридически значимых действий и т. д. При этом, конечно же, возникает целый ряд проблем как высокого теоретического характера (например, о понятии и природе цифрового имущества, его места в системе объектов гражданского права, цифровых правах, их видах и содержании, правовом режиме искусственного интеллекта и др.), так и прикладного, в частности связанных с обеспечением надлежащей защиты имущественных прав участников гражданско-правовых отношений, в которых используются цифровые технологии и технологии ИИ. Все эти проблемы находятся в процессе всесторонней активной разработки и вполне решаемы при проявлении к ним достаточного внимания ученых, практиков и, самое главное, государства.

Рассмотрим влияние цифровых технологий и технологий ИИ на гражданско-правовое регулирование имущественных отношений и деликтной ответственности с целью обоснования в системе гражданско-правового регулирования существования особых цифровых имущественных отношений, а также формирования специального состава правонарушения за вред, причиненный применением технологиями ИИ.

В современной научной литературе пристальное внимание уделяется исследованию вопроса влияния цифровых технологий и технологий ИИ на имущественные отношения, в том числе деликтную ответственность. Обращается внимание на то, что развитие цифровых технологий создает новые объекты, имеющие весьма специфические признаки имущества, предопределяющие особенности их оборотоспособности, наследования, фиксации, защиты прав на них. В частности А. А. Карцхия предлагает развернутую классификацию цифровых прав, в которую включает практически все известные разновидности имущественных прав, в том числе вещные

и даже вытекающие из деликтов¹. М. А. Рожкова приходит к выводу, что процесс цифровизации привел к появлению новых виртуальных объектов, для которых требуется разработка новых правовых режимов, а также доктринальная разработка категории «имущественное право»². Н. А. Петраковым предлагается концепция цифрового имущества³. Отдельным аспектам цифровизации посвящено много научных работ, в том числе и монографических⁴. Возможности трансформации таких категорий, как субъект права, правосубъектность, деликтоспособность, формирование правовых режимов в цифровой среде в отношениях с использованием ИИ исследует в своих работах Е. В. Вавилин⁵. Между тем многие ученые не принимают во внимание то, что правовое регулирование осуществляется в первую очередь с целью удовлетворения разнообразных потребностей участников общественных отношений. Новые потребности этой категории участников, возникшие в результате появления цифровых объектов, требуют создания правовых форм их удовлетворения. При этом невозможно создать эти правовые формы, не вникнув предварительно в то, какие именно новые потребности возникают.

¹ См.: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 26.

² См.: Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики : ежегодник-антология. 2020. № 16 / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М., 2020. С. 17–18.

³ См.: Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1.

⁴ См.: Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2024) ; Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Цифровизация гражданского оборота : «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. IV / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М., 2023.

⁵ См.: Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта : формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2024).

Так, ранее нами был сделан вывод о существовании трех сфер общественных отношений, в которых присутствуют разные виды потребностей, обусловленные процессом цифровизации⁶. Первая – это сфера реально существующих имущественных отношений, участники которых имеют потребность в использовании цифровых технологий для решения своих естественных имущественных потребностей – совершения обычных гражданско-правовых сделок с использованием цифровой формы, выражения своей воли на совершение иных юридически значимых действий, например, на совершение государственной регистрации права на недвижимость или получения в цифровом виде иных государственных услуг, а также и услуг другого характера – образовательных, транспортных, банковских и пр.

Вторая сфера кардинально отличается от первой тем, что она относится не к объективно существующей, а к вымышленной реальности, которая благодаря цифровым технологиям не просто выглядит очень реалистично, но и является доступной для восприятия любых лиц, а не только создателей, посредством применения специальной техники (компьютеров, очков виртуальной реальности, устройств-тренажеров) или традиционными способами – с помощью аудио- и видео-аппаратуры. Такая вымышленная, но объективизированная для ее восприятия третьими лицами с помощью использования цифровых технологий и гаджетов реальность обычно обозначается терминами «виртуальная реальность», «виртуальный мир», «метавселенная».

В качестве третьей сферы можно выделить область взаимодействия и взаимного влияния друг на друга обеих реальностей – материальной и виртуальной, – и данная сфера представляется самой значительной, но и самой проблематичной. Именно в ней нужно будет решать множество вопросов, например, как соотносятся между собой реальное физическое лицо и аватар внутри метавселенной; как быть с системами ИИ, которые уже стали массово использоваться для беспилотного управления транспортными средствами, летательными аппаратами, в том числе военного назначения; кто поне-

сет ответственность за причинение ими вреда? Как собственнику вещи (например, беспилотного автомобиля), в которой использована система ИИ, осуществлять господство над ней, если эта система сама может принимать решения и потенциально может «отказаться» подчиняться собственнику?

Именно в сфере взаимодействия двух реальностей надо искать правовые механизмы, связывающие правовые конструкции реального и виртуального миров, ибо их пересечение уже состоялось и неизбежно будет расширяться.

Первым шагом для исследования трансформационных процессов имущественных отношений под влиянием цифровизации является исследование категорий «цифровое право» и «цифровой объект» как обязательных элементов последних.

Подходы к определению понятий «цифровое право» и «цифровой объект». Цифровая форма имущественного права

Несмотря на то, что понятие «цифровой объект» отсутствует в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁷, анализ ее содержания позволяет сделать вывод, что она признает существование двух видов того, что обобщенно можно назвать цифровым объектом гражданских прав: «цифровой рубль» и «цифровое право». При этом цифровой рубль рассматривается как разновидность безналичных денег, а они, в свою очередь, рассматриваются как разновидность имущественных прав наряду с цифровыми правами. Таким образом, и цифровой рубль, и цифровое право в соответствии со ст. 128 ГК РФ отнесены к категории «иное имущество, в том числе имущественные права».

Полагаем, что такое определение объектов, связанных с цифровизацией имущественных отношений, не является правильным.

Во-первых, в статье никак не разделены понятия «цифровое право» и «цифровая форма имущественного права», а это принципиально важно, поскольку цифровая форма имущественного права не является новой правовой сущностью, а соответственно самостоятельным объектом.

Во-вторых, если цифровое право рассматривается в ст. 128 ГК РФ исключительно как объект

⁶ См.: Селиванова Е. С., Дмитриева О. В. О влиянии цифровизации общества на содержание и гражданско-правовое регулирование имущественных отношений // Вестник Юридического факультета ЮФУ. 2023. Т. 10, № 2. С. 79.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ в силу с 12.09.2023). URL: <http://pravo.gov.ru>

права, то в ст. 141.1 ГК РФ, в которой, очевидно, этот объект должен получить максимально подробное определение его особенностей, наоборот, дается крайне неудачная и запутанная его характеристика, поскольку подходы к цифровому праву как к объекту переплетены с подходом к нему как к элементу содержания гражданского правоотношения (а именно к субъективному праву как мере возможного поведения управомоченного лица).

Конечно, из известных имущественных прав права обязательственного типа по своей природе могут быть как объектом, так и элементом содержания гражданского правоотношения, но не одного и того же правоотношения одновременно. Если имущественное право требования выступает, например, как предмет договора купли-продажи, то его роль в данном правоотношении – быть объектом другого имущественного права, а именно права требования покупателя от его передаче, обращенного к продавцу. В приведенной конструкции одинаковые по своей обязательственной природе права выступают в разных ипостасях, одно – в качестве объекта данного правоотношения, а другое – в качестве меры возможного поведения управомоченного лица.

Однако в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ устанавливается, что «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и *иные права...*». Что же может подразумеваться в законе под иными правами? В первую очередь, думается, это исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые подобно обязательственным правам являются имущественными и оборотоспособными, в силу чего могут выступать объектом гражданского оборота. При этом существуют также имущественные права, не обладающие качеством оборотоспособности, – вещные, неотделимые от своего объекта (вещи), что предопределяет их неспособность быть самостоятельным объектом гражданского правоотношения, а также имущественные права, неразрывно связанные с личностью участника правоотношения, как договорного, так и внедоговорного (деликтного) характера.

Учитывая, что ст. 141.1 ГК РФ не проводит разграничения между такими видами прав, ее формулировка способна ввести в заблуждение относительно того, говорит она о цифровых правах как об объектах правоотношения или как об элементе его содержания (субъективном пра-

ве управомоченной стороны правоотношения). Усиливает впечатление путаницы использование в одном и том же п. 1 ст. 141.1 ГК РФ таких категорий, как содержание и условия осуществления цифрового права (что может относиться к цифровому праву только как к элементу содержания правоотношения), с одной стороны, а с другой – категории распоряжения цифровым правом путем совершения разнообразных сделок с ним (что может относиться к цифровому праву только как к объекту правоотношения). Очевидно, что объект правоотношения нельзя осуществить, но им можно распорядиться, а осуществить можно только субъективное право – элемент содержания правоотношения.

Таким образом, статьи 128 и 141.1 ГК РФ нуждаются в серьезной корректировке прежде всего в разделении категории имущественного права, существующего в цифровой форме, и собственно цифрового права как самостоятельной разновидности имущественных прав (если обнаружится такая необходимость), а также объектов этого права.

Обратимся теперь к иным нормам гражданского права, которые потенциально могут помочь в решении данной задачи.

В ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 11.03.2024) выделяют такой вид цифровых прав, как *утилитарные*, к которым отнесены: «1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг»⁸.

Анализ данного положения приводит к выводу, что под термином «утилитарные цифровые права» закон подразумевает обычные права требования в отношении не вымышленных, а существующих в реальной действительности вещей, выполняющихся в ней работ и оказывающихся услуг, а также исключительных прав на созданные в ней же результаты интеллектуальной деятельности. Это обычные права обязательственного типа отличаются от остальных совершенно аналогичных прав только тем, что

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

договор, на основании которого возникают эти права, заключается с помощью цифровых технологий – в информационной системе. Тем более что, как следует из первого условия возникновения утилитарного цифрового права, цифровая форма сделки конкурирует с иными *формами сделки* – нотариальной и требованием ее государственной регистрации.

Таким образом, утилитарное цифровое право – это не особый самостоятельный вид имущественного права, а цифровая форма субъективного права обязательственного типа (права требования) в отношении вещей, работ, услуг, исключительных прав.

В п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» выделен второй вид цифровых прав – *цифровые финансовые активы*, в качестве которых признаются «денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг...»⁹. Анализ данного положения подталкивает нас к выводу, аналогичному сделанному в отношении утилитарных цифровых прав: под новым термином – цифровые финансовые активы – скрывается не что иное, как то же самое, всем давно и хорошо известное право требования (т. е. право обязательственного типа) в отношении рядовых объектов гражданского права – денег, ценных бумаг, вероятно, долей в уставном капитале корпорации и т. п. (того, что обычно относят к сфере финансов и называют финансовыми активами). В законе оно названо цифровым исключительно по причине его существования в цифровой форме, которая предопределяет особенности его осуществления – только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Таким образом, в данном случае под термином «цифровое право – цифровой финансовый актив» также скрывается не самостоятельная имущественная и правовая сущность, а обычное право требования выплатить денежную сумму или подобные ему права.

В качестве общего вывода следует указать, что и сфера существования утилитарных цифровых прав, и сфера, в которой функционируют цифровые финансовые активы – это обычные, существующие в реальной действительности имущественные отношения, участники которых используют цифровые технологии, поскольку такие технологии существуют, являются удобными и доступными для них.

Различие между утилитарными цифровыми правами и цифровыми финансовыми активами заключается только лишь в объекте права требования, принадлежащего управомоченному лицу: для утилитарных прав – это объекты, не относящиеся к финансам, а для цифровых финансовых активов – наоборот, именно они. Следовательно, ни утилитарные цифровые права, ни цифровые финансовые активы не имеют оснований рассматриваться как специфический цифровой объект, а представляют собой цифровую форму имущественных обязательственных (возможно, также сходных с ними корпоративных) прав.

Обратимся теперь к Федеральному закону от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым цифровой рубль введен в качестве новой формы российской валюты¹⁰.

Как уже сказано ранее, ст. 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). Согласно п. 1 ст. 140 ГК РФ, рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации. Платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями.

Таким образом, цифровой рубль охарактеризован как разновидность безналичных денежных средств, а они в свою очередь определены как вид более общей объектной единицы – имущественных прав. При этом обращает на себя внимание то, что согласно ст. 128 ГК РФ цифровой рубль не рассматривается в качестве

⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

цифрового права. При этом по-прежнему остается открытым вопрос, что же подразумевается в ст. 128 ГК РФ под цифровым правом как объектом, поскольку это не утилитарные цифровые права, не цифровые финансовые активы и не цифровой рубль.

Цифровое право как объект и цифровое право на цифровой объект как самостоятельные имущественные и правовые сущности

Имеет ли вообще смысл говорить о цифровом праве как самостоятельном объекте, имеющем отличительные от всех других объектов признаки?

Полагаем, что такой объект может существовать как самостоятельный только внутри цифровой среды, в метавселенной, в которой присутствуют некие – «как бы» имущественные объекты, возможно, аналогичные существующим в реальности, но способные существовать только в цифровой среде, цифровые в прямом смысле. В таком случае можно представить себе существование неких *цифровых прав как на эти объекты, так и таких, которые сами по себе способны быть объектами (аналогично правам обязательственного характера)*. При этом, как уже говорилось выше, пока не вполне ясно, требуется ли вообще правовое регулирование отношений внутри метавселенных или достаточно пользовательского соглашения, определяющего «правила поведения» внутри информационной системы.

Как ни удивительно, но российское право вступило на путь правового регулирования этой сферы, более того, оно дает нам пример такого собственно цифрового объекта. Это цифровая валюта, определяемая в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹ как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей...». Если такой объект есть, то на него, естественно, должны появиться

ся права, ибо создание такого объекта призвано удовлетворить чью-то потребность и интерес. Для такой ситуации использование термина «цифровое право» представляется совершенно адекватным, поскольку как сами эти объекты, так и, соответственно, права на них, существуют только внутри информационной системы, т. е. в виртуальном, цифровом пространстве. В этом пространстве цифровые права имеют собственное наполнение, становятся самостоятельной имущественной сущностью.

Прежде чем перейти к анализу особенностей цифрового права, понимаемого в таком качестве – *как субъективное право на цифровой объект*, – нужно попытаться определить особенности самих цифровых объектов.

Что же такое цифровой объект? Представляется, что можно выделить следующие его признаки:

1) этот объект должен быть идентифицирован как цифровое имущество, поскольку все упоминаемые в ст. 128 ГК РФ цифровые объекты (цифровые права и цифровой рубль) отнесены к имуществу, конкретно – к «иному имуществу»;

2) исходя из того, что законодатель определил такой вид цифрового имущества, как цифровая валюта, через указание на то, что это «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе», полагаем возможным распространить это определение и на другие виды цифрового имущества, которые существуют, например, в играх – цифровое здание, цифровой автомобиль, цифровая собака, цифровое платье, цифровое право требования уплаты цифровой валюты за приобретение цифрового платья и т. п. Очевидно, что в цифровой среде эти виды «имущества» не могут существовать иначе как в виде «цифрового кода или обозначения», а в реально существующих отношениях, наоборот, в таком виде существовать не могут;

3) цифровое имущество должно обладать всеми признаками объекта гражданского права, а именно способностью удовлетворять потребности участников «гражданского оборота» в метавселенной, т. е. иметь потребительную стоимость, а самое главное – быть способным к участию в обороте, т. е. обладать меновой стоимостью. Иначе будет неясно, для чего законодатель ввел понятие «цифровая валюта», если на нее ничего нельзя приобрести внутри цифровой реальности (метавселенной).

¹¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

Рассмотрим теперь, какими могут быть субъективные цифровые права на цифровые объекты.

Можно предположить, что такими же, как и имущественные права в реальной действительности. Приведенный анализ ст. 141.1 ГК РФ, показавший перепутанность в ней двух возможных значений понятия «цифровое право» – как объекта права и как субъективного права на другой объект – дает основание считать, что законодатель, закрепляя, что цифровые права могут быть как обязательственными, так и иными, имеет в виду цифровое право как субъективное право, а не как объект. Поэтому ничто не препятствует признанию того, что права на цифровое имущество могут быть не только обязательственными, но и, например, вещными.

Таким образом, исходя из того, что собственно цифровая среда – виртуальное пространство, метавселенные – в значительной степени копируют объективно существующую реальность (материальный мир), создается возможность применять к объектам в этой среде и правам на них приблизительно те же подходы, которые используются для регулирования отношений в реальной действительности, применяя прием юридической фикции, например, распространяя на цифровое имущество режим реально существующих вещей и иного имущества, придавая содержанию цифровых прав содержание имущественных прав, существующих в реальной действительности, настолько, насколько в этом есть потребность субъектов этой реальности и возможность применить такой подход, с учетом особенностей цифровой реальности.

Если предлагаемая позиция верна, вероятно, появляются основания говорить о возможности выделения такого вида имущественных отношений, как «цифровые имущественные отношения», поскольку ст. 2 ГК РФ после перечисления существующих упоминает некие «другие имущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Тогда, следуя в фарватере предложенной логики: «цифровые имущественные отношения – цифровое имущество – цифровое право на цифровое имущество», – потребуются внесение изменений в ст. 128 ГК РФ, расшифровывающих категорию «иное имущество» следующим образом: «иное имущество, включающее, в том числе: 1) цифровое имущество; 2) имущественные права в бесцифровой

форме; имущественные права в цифровой форме (бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства (в том числе цифровой рубль); оборотоспособные цифровые права».

С помощью такой формулировки, как представляется, не составит труда провести разграничение имущественных прав, существующих в объективной реальности, но имеющих цифровую форму, и собственно цифровых прав как прав, существующих исключительно в цифровой реальности.

Если придерживаться мнения о возможности использовать прием юридической фикции к регулированию имущественных отношений в цифровой среде, распространяя на цифровые права представления о содержании правомочий и видах имущественных прав, существующих в реальной действительности, неизбежно возникнет вопрос о содержании и классификационных характеристиках субъективных цифровых прав.

Наиболее проблемным в этом контексте выглядит «цифровое вещное право», поскольку его объектом является по сути «невещественная» (с точки зрения реального мира) вещь. Однако если иметь в виду, что такая «невещественная» вещь существует внутри такого же «невещественного» – цифрового, виртуального мира, то, вероятно, для осуществления этого права и его защиты нужно будет найти механизмы, например, наложения ареста на цифровую вещь, обращения на нее взыскания по обязательствам обладателя права, осуществления виндикации и т. д.

Возможно, более целесообразным окажется отойти от понятия «вещное право» и именовать его абсолютным имущественным правом на цифровой нематериальный объект¹². Такая же конструкция подойдет и для созданных в цифровой среде результатов интеллектуальной деятельности и соответственно исключительных прав на них. В этой связи интересно отметить, что в цифровой среде вещи и результаты интеллектуальной деятельности, в объективной реальности имеющие принципиальные различия, могут их утратить благодаря особенностям самого цифрового (невещественного) мира.

Потребность в обороте цифровых объектов поставит также вопрос о системе и особенно

¹² См.: Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики : ежегодник-антология. М., 2020. № 16. С. 62–76. (Анализ современного права/ IP & Digital law).

стях совершения сделок в цифровой среде, особенностях осуществления как самой передачи цифрового объекта, так и прав на него. Решение этого вопроса, скорее всего, пойдет по пути применения приема фикции как наиболее проверенного и удобного. В этом случае у цифровых миров появится полезная функция: их можно будет использовать в качестве «полигона» для проведения социальных экспериментов, тестирования новых правовых норм и пр., что весьма затруднительно, а иногда и небезопасно в реальной действительности. Таким образом, развитие цифровых технологий может привести к созданию «параллельных цифровых миров» со всеми атрибутами реального мира, включая власть и право.

Следует отметить, что не стоит подчинять таким правилам все цифровые миры, поскольку интерес разработчика может заключаться в полете фантазии при создании «своего мира» им самим, а также его пользователями, в обеспечении полной свободы действий внутри него, в психологической разрядке от пребывания в созданной им иной, возможно лучшей, чем реальная, действительности. Миры, не имитирующие социальные отношения, как представляется, не должны подвергаться излишнему вмешательству государства, а регулироваться только пользовательским соглашением.

Влияние цифровых технологий (ИИ) на гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, вытекающих из деликта (деликтной ответственности)

Действующее российское законодательство определяет ИИ как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹⁵.

¹⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. 15.02.2024) (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Исходя из данного определения, отметим, что ИИ принципиально не может рассматриваться в качестве субъекта права, поэтому считаем неприемлемым говорить о наличии у него какой-либо правосубъектности, а также способности нести ответственность за причинение вреда.

Технологии ИИ в системе объектов гражданских прав относятся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, в отношении которых применяется правовой режим соответствующих объектов права интеллектуальной собственности. Это такие виды научно-технической продукции, как программы для ЭВМ, базы данных, изобретения, ноу-хау и др. Отдельно такой объект, как ИИ, гражданское законодательство не выделяет. Однако это может создавать сложности в использовании ИИ как сложного объекта, например, по причине существования разных сроков правовой охраны на включенные в него другие результаты интеллектуальной деятельности. Кроме того, в его создании, как и создании результатов интеллектуальной деятельности, входящих в состав ИИ, принимают участие множество субъектов, и нужно найти адекватный способ защиты прав каждого из них.

Технологической основой применения ИИ в различных сферах человеческой деятельности является его интеграция в физические объекты – робототехнические устройства, программно-аппаратные комплексы, киберфизические системы. Это означает, что ИИ в системе гражданско-правового регулирования относится к двум видам объектов гражданских прав: к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и к физическим объектам (вещам), в которые технологии ИИ интегрированы (например, роботы, дроны, беспилотные устройства и др.). Интеграция технологий ИИ в физические объекты придает им новые качественные характеристики, отличные от обычных вещей, даже таких, которые выступают в качестве материального носителя результата интеллектуальной деятельности. Ключевым отличием представля-

та на период до 2030 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

ются такие признаки ИИ, как возможность самообучения и автономность в конкретных условиях, неспособность воспринимать этические и правовые нормы, слабая интерпретируемость алгоритмов, используемых ИИ, минимальная транспарентность (непрозрачность) принятия решений системами ИИ. Соответственно вещи, в которые интегрирован ИИ, могут оказаться способны к неконтролируемым со стороны человека автономным действиям.

Этот вывод является основанием для того, чтобы поставить вопрос о признании вещей с включенным в них ИИ источником повышенной опасности, поскольку материальным признаком любого источника повышенной опасности является его неполная подконтрольность человеку при наличии высокой способности причинить вред. В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» об этом сказано прямо: «источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека»¹⁴. Мнение о возможности признания ИИ источником повышенной опасности высказывают также авторы монографии «Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам»¹⁵.

При этом очевидно, что не каждая вещь с интегрированным в нее ИИ действительно может причинить вред по причине ее неполной подконтрольности человеку. Например, умная колонка, способная подбирать и включать музыку по просьбе владельца, вряд ли может всерьез рассматриваться как источник повышенной опасности прежде всего по причине того, что она: 1) не автономна от своего владельца; 2) не имеет собственных вредоносных свойств¹⁶.

¹⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. URL: vsrf.ru/documents/news/etfers/1793/

¹⁵ Искусственный интеллект и право : от фундаментальных проблем к прикладным задачам : монография / Д. П. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. М., 2022. С. 91.

¹⁶ При этом нельзя не обратить внимание на то, что сама по себе колонка, не представляющая опасности для окружающих в плане причинения им имущественного вреда, потенциально все же может создавать угрозы иного рода для своего владельца, например, за счет

Однако эксплуатация таких объектов со встроенным ИИ, которые становятся максимально автономными от человека, такие как беспилотные летательные аппараты, беспилотные транспортные средства, автономные системы управления дорожным движением, движением летательных аппаратов, объектов водного транспорта, автономные системы управления технологическими процессами в сфере электро- и атомной энергетики, химической промышленности соответствующего класса опасности, автономные роботы и устройства в сфере медицины и др., несомненно, имеют все основания быть признанными в качестве источников повышенной опасности, поскольку обладают обоими необходимыми для этого признаками: способностью причинять вред, связанной с неполной подконтрольностью человеку (а в перспективе возможно, и полной автономностью от человека). В связи с этим с целью установления для разных видов объектов с ИИ адекватного их свойствам правового режима требуется дифференцированный подход. Для этого представляется необходимым провести классификацию систем ИИ (и их материальных носителей) с целью применения к ним разных гражданско-правовых режимов с привлечением представителей, занимающихся их разработкой.

Можно выделить как минимум два таких вида: 1) объекты, имеющие признаки источника повышенной опасности; 2) объекты, не имеющие таких признаков. Соответственно, по-разному будут решаться вопросы ответственности их владельцев за причинение такими объектами вреда.

Если объект с ИИ не обладает признаками источника повышенной опасности, ответственность за причинение вреда с использованием таких объектов должна наступать по общим правилам о деликтной ответственности (глава 59, ст. 1064 ГК РФ, т. е. при наличии вины причинителя). Поскольку в гражданском праве действует презумпция вины, доказывать ее наличие истцу,

сбора информации о нем и передачи ее неким третьим лицам, способным использовать ее во вред владельцу колонки. Этот вопрос, как представляется, нуждается в специальном исследовании с точки зрения того, что источником повышенной опасности будет являться уже не вещь и не деятельность по ее эксплуатации, а сама технология ИИ. В этом случае вопрос о субъекте ответственности за причинение вреда, связанного с передачей информации о владельце, приобретает еще более острый характер.

пострадавшему от системы ИИ, не нужно (в противном случае он вряд ли когда-нибудь смог бы получить удовлетворение своего требования). Владелец же системы ИИ, особенно являющийся ее непосредственным разработчиком, лучше осведомлен о ее особенностях, в силу чего при отсутствии его вины в нарушении прав другого лица сможет доказать это в суде и освободиться от ответственности.

Иные подходы к ответственности, а именно предусмотренные в ст. 1079 ГК РФ, должны применяться, если объект с ИИ отвечает признакам источника повышенной опасности. Ответственность в данном случае наступает независимо от вины владельца системы ИИ (как и на основании ст. 1095 ГК РФ, устанавливающей ответственность за вред, причиненный потребителю вследствие недостатков товаров работ или услуг, если они содержат в себе ИИ).

Субъектом ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, является его владелец. В соответствии с п. 2 ст. 1079 ГК РФ владельцами признаются лица, владеющие источником повышенной опасности на основании имеющегося у них вещного права, права аренды, по доверенности на право управления транспортным средством и т. п.

Следует обратить внимание на то, что вообще категория владения применяется к таким объектам гражданских прав, как вещи. Обладание вещью, т. е. максимальное хозяйственное господство в отношении вещи позволяет реализовать ее ценность и удовлетворить соответствующие потребности участников гражданских правоотношений. Между тем ИИ представляет собой сложную систему – программно-аппаратные комплексы, киберфизические системы, состоящие из программ для ЭВМ, технологий, имитирующих когнитивные функции человека, и физические объекты, в которые они интегрированы. Пределы господства владельца физического объекта определяются объемом тех прав, которые ему передал правообладатель технологии ИИ. Важным является и то, кто именно владелец исходного кода программы ИИ, кто обеспечивает корректное функционирование программы, является оператором программы, осуществляет ее поддержку. Фактически все перечисленные лица осуществляют в разном объеме управление, влияние на систему ИИ и контроль. Поэтому вопрос о субъектах ответственности должен иметь более простое решение, например, включать в себя ис-

пользование института солидарной ответственности группы лиц, обеспечивающих поддержку систем ИИ, и лиц, их использующих.

Кроме того, важным представляется и вопрос определения размера ответственности за вред, причиненный системами ИИ, являющимися источниками повышенной опасности. Учитывая, что размер ущерба может быть очень существенным, а значимость развития отрасли ИИ весьма велика для современной экономики, полное возмещение вреда (в размере реального ущерба и упущенной выгоды) может оказаться разорительным для причинителей, что подорвет их способность вести дальнейшую деятельность по разработке и внедрению систем ИИ в отрасли экономики, которые в них нуждаются. Поэтому оптимальным представляется распространение на деятельность по созданию и использованию таких систем режима ограниченной ответственности, определяемой в пределах реального ущерба, в соответствии со ст. 400 ГК РФ, вкупе с участием в возмещении вреда государства, подобно тому, как это предусмотрено в ст. 55 и 57 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» в отношении лиц, которым радиационным воздействием причинены убытки и вред¹⁷. Закон, помимо установления ограниченной ответственности эксплуатирующей организации за причинение ядерного вреда, возлагает дополнительную обязанность по возмещению на государство в целях возмещения такого вреда в полном объеме.

Как вариант решения проблемы возмещения вреда возможно использовать также институт страхования ответственности владельцев систем ИИ подобно страхованию ответственности владельцев автотранспортных средств. Такой вариант уже обсуждается и даже разработан законопроект № 512628-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций” № 258-ФЗ»¹⁸. В нем предлагается установить для владельцев систем ИИ, которые внедряются в оборот в соответствии с экспериментальным правовым режимом («цифровая песочница»), обязательное страхование гражданско-правовой ответственности за причинение вреда здоровью, жизни или имуществу граждан и юридических лиц при реализации экспе-

¹⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48. Ст. 4552.

¹⁸ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/512628-8>

риментального правового режима, в частности при использовании решений, созданных с применением систем ИИ. В данном законопроекте закрепляется обязанность субъектов экспериментальных правовых режимов вести реестры лиц, вступающих с ними в правоотношения, размещать в данном реестре информацию о лицах, которые применяют технологии ИИ, а также вести реестр правообладателей результатов интеллектуальной деятельности. Предлагается создавать комиссии по выявлению обстоятельств, в результате которых применением ИИ был причинен вред, из представителей уполномоченного и регулирующего органов, предпринимательского сообщества, а также иных заинтересованных лиц.

Представляется, что обязательное страхование гражданско-правовой ответственности причинения вреда применением систем ИИ является одним из наиболее эффективных способов минимизации негативных последствий причинения вреда, однако эффективность его будет разной для разных сфер применения систем ИИ. В тех областях, где вероятность применения масштабного вреда (например, экологического) велика, лучше использовать механизм ограниченной ответственности владельца в совокупности с компенсацией остальной части вреда (убытков) со стороны государства из специально созданных фондов. В тех же сферах, где возможный вред не является неподъемным для возмещения, более удобным будет обязательное страхование ответственности владельца систем ИИ.

Учитывая многообразие технологий и систем ИИ, сфер деятельности, в которых они применяются, а также для стабилизации гражданского оборота и обеспечения правовой определенности целесообразным представляется принятие специального нормативно-правового акта, регламентирующего правовой режим и особенности использования технологий и систем ИИ в гражданском обороте.

Гражданское законодательство РФ в части регулирования имущественных отношений, на которые оказало влияние развитие цифровых технологий, имеет два существенных недостатка, мешающих создать адекватную правовую форму их функционирования:

– в нем не разграничены понятия «имущественное право в цифровой форме», а также собственно «цифровое право» в качестве самостоятельной разновидности имущественных прав;

– смешаны представления о цифровом праве как объекте гражданского правоотношения и цифровом праве как элементе содержания гражданского правоотношения, а именно субъективном праве, принадлежащем управомоченному лицу.

Имущественные права в цифровой форме, к которым по действующему законодательству можно отнести утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровой рубль, принадлежат к сфере обычных, существующих в реальной действительности имущественных отношений, участники которых для осуществления этих прав используют цифровые технологии, поскольку такие технологии существуют, являются удобными и доступными для них, поэтому имущественные права в цифровой форме не являются новой имущественной и правовой сущностью, возникшей в процессе цифровизации.

Собственно цифровое право – это право на цифровой объект. И цифровые объекты, и цифровые права на них принадлежат исключительно к сфере цифрового, виртуального пространства (метавселенным) при условии, что внутри этого пространства имитируются общественные (в том числе имущественные) отношения. Цифровой объект является имущественной сущностью, т. е. цифровым имуществом. Он способен существовать только внутри цифрового пространства в виде «цифрового кода или обозначения» и должен обладать свойством оборотоспособности. Оборотоспособное цифровое право является видом цифрового имущества и объектом цифровых имущественных отношений.

Понятие, признаки и виды цифрового имущества должны быть закреплены в законодательстве. На сегодняшний день в законодательстве нашел закрепление один вид цифрового имущества – цифровая валюта.

Содержание и виды цифровых прав на цифровые объекты аналогичны имущественным правам в реальной действительности. Исключение могут представлять вещные и исключительные права, которые в условиях цифровой реальности теряют различия, в связи с чем могут быть объединены общим названием «абсолютное имущественное цифровое право».

Сделанные теоретические выводы обнажают необходимость конкретизации категории «иное имущество», содержащейся в ст. 128 ГК РФ. Предлагаем внести в нее изменения следующие-

го содержания: «иное имущество, включающее в том числе: 1) цифровое имущество; 2) имущественные права в бесцифровой форме; имущественные права в цифровой форме (бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства (в том числе цифровой рубль); оборотоспособные цифровые права».

Статья 141.1 ГК РФ также нуждается в совершенствовании в направлении разделения в ней подходов к цифровому праву как виду цифрового имущества и как к субъективному праву на другие цифровые объекты. Предлагаем сформулировать ее следующим образом.

«1. Цифровыми правами на цифровые объекты признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление таких прав возможно только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

2. Оборотоспособные цифровые права являются цифровым имуществом. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо.

Распоряжение или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву».

Считаем возможным рассматривать материальные объекты, в которые интегрирован ИИ, в качестве источников повышенной опасности, учитывая наличие у ИИ свойств, способных привести к совершению данным объектом неконтролируемых человеком, автономных действий, в том числе причиняющих вред.

Определение размера и способы возмещения вреда, причиненного ИИ, должны различаться в зависимости от сферы применения материальных объектов с интегрированным ИИ.

В тех сферах, где вероятность применения масштабного вреда (например, экологического) велика, предпочтительно использовать ме-

ханизм ограниченной ответственности владельца в совокупности с возмещением остальной части вреда (убытков) со стороны государства из специально созданных для этой цели фондов. В тех же областях, где возможный вред не является неподъемным для возмещения, более удобным будет применения обязательного страхования ответственности владельца систем ИИ.

Библиографический список

Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6.

Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. «Цифровизация гражданского оборота»; «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. IV / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 336.

Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография / Д. П. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. М. : Проспект, 2022. С. 104.

Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1.

Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики : ежегодник-антология. М., 2020. № 16. С. 62–76. (Анализ современного права/ IP & Digital law).

Селиванова Е. С., Дмитриева О. В. О влиянии цифровизации общества на содержание и гражданско-правовое регулирование имущественных отношений // Вестник Юридического факультета ЮФУ. 2023. Т. 10, № 2. С. 74–80.

Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

Vavilin E. V. Transformation of civil-law and procedural relations with the use of artificial intelligence: formation of new legal regimes // Herald of civil procedure. 2021. No. 6.

Vasilevskaya L. Y., Poduzova E. B. “Digitalization of civil turnover”; “artificial intelligence” and technolo-

gies of “artificial intelligence” in the mechanism of contractual regulation (civilistic research) : monograph : in 5 vol. Vol. IV / ex. ed. L. Y. Vasilevskaya. Moscow : Prospect, 2023. С. 336.

Kartskhiya A. A. Civil law model of regulation of digital technologies : dis ... cand. legal. sci. Moscow, 2019.

Artificial intelligence and law : from fundamental problems to applied tasks : monograph / D. P. Kuteynikov, O. A. Izhaev, S. S. Zenin, V. A. Lebedev. Moscow : Prospekt, 2022. P. 91.

Petrakov N. A. The concept of digital property as an object of civil rights // *Civilist*. 2024. No. 1.

Rozhkova M. A. Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights // *Digital Economy Law : annual anthology*. 2020. 16. Moscow : Statute, 2020. 442 p.

Selivanova E. S., Dmitrieva O. V. On the impact of digitalization of society on the content and civil law regulation of property relations // *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023. Vol. 10, no. 2. P. 74–80.

Digital economy : current directions of legal regulation : scientific and practical manual // eds. I. I. Kucherov, S. A. Sinitsyn ; Institute of Law and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 2021. Access from «ConsultantPlus».

Южный федеральный университет

Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права
E-mail: esselivanova@sfedu.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Дмитриева О. В., кандидат юридических наук, доцент департамента частного права, факультет права

E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Поступила в редакцию: 31.05.2024

Для цитирования:

Селиванова Е. С., Дмитриева О. В. Трансформация имущественных отношений и деликтной ответственности в условиях цифровизации общества и применения искусственного интеллекта // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/80-92>

Southern Federal University

Selivanova E. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Civil Law Department
E-mail: esselivanova@sfedu.ru

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Dmitrieva O. V., Associate Professor of the Department of Private Law, Faculty of Law
E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Received: 31.05.2024

For citation:

Selivanova E. S., Dmitrieva O. V. Transformation of property relations and tort liability in the conditions of digitalization of society and application of artificial intelligence // *Proceedings of Voronezh State University*. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/80-92>